

А.А. ПОСТНИКОВА

СРАЖЕНИЕ ПРИ БЕРЕЗИНЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ФРАНЦИИ

Березина. Название этой реки известно многим европейцам и почти каждому французу. Оно давно стало нарицательным. События на р. Березине были последним громким аккордом войны 1812 г. Переправа армии Наполеона через реку проходила в условиях ожесточенных боев. Память об этом событии долгие годы сохраняется у французов.

Французский президент Н. Саркози активно использует историческую память о событиях прошлого для формирования и развития национальной идеи, утверждая, что французам в отношении минувших эпох “не за что каяться”¹. В современной Франции воскрешаются те сюжеты истории, которые способствуют формированию идеи величия французской нации. В связи с этим оживает интерес и к эпохе Наполеона I². Важное место в “воскрешении прошлого” занимает образ Великой армии, прошедшей через испытания на р. Березине.

Напомним, что 28 ноября 1812 г. (все даты даны по новому стилю) одновременно произошли два сражения на берегах р. Березины между русской армией и отступающей Великой армией Наполеона. Французскому императору для обеспечения переправы своих войск через Березину пришлось вступить с русской армией в сражение. Утром 28 ноября войска 3-й западной армии адмирала П.В. Чичагова атаковали на правом берегу Березины 2-й армейский корпус Великой армии под командованием маршала Н.Ш. Удино. Одновременно генерал П.Х. Витгенштейн, командующий 1-м пехотным корпусом, начал наступление на 9-й армейский корпус маршала К.П. Виктора на левом берегу Березины. В течение целого дня солдаты Наполеона ожесточенно сражались, пытаясь не допустить выхода русских к переправе. В начале битвы на правом берегу Удино был ранен и Наполеон передал командование маршалу М. Нею. Кульминационный момент в сражении наступил, когда Чичагов отправил в атаку полки под командованием генерал-лейтенанта И.В. Сабанеева. Французская кавалерия генерала Ж.П. Думерка отразила атаку. После этого сражение распалось на отдельные стычки. В 11 часов вечера Витгенштейн прекратил наступательные действия. Благодаря этому возникла возможность для французской армии переправиться на правый берег Березины. Окружить и разбить французскую армию не удалось. Но она понесла большие потери. Около 50 тыс. из 75–80 тыс. человек, дошедших до Березины, не смогли переправиться через реку. Это было для Великой армии катастрофой.

Память французов о событиях на Березине в 1812 г. складывалась на основе разнородных версий, которые, в свою очередь, исходили из сложнейшей гаммы чувств и представлений участников русской кампании, из противоречивой интерпретации источ-

---

Постникова Алена Александровна – аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

¹ Мильчина В. История Франции глазами Н. Саркози. – Отечественные записки, 2008, № 5, с. 115.

² Napoléon et l'Europe. Paris, 2004; Budon G. Napoléon et l'Europe. Paris, 2006; Gueniffey P. Le dix-huit brumaire: l'épilogue de la révolution française. Paris, 2008.

ников, из вольной трактовки событий беллетристами. Решающим периодом в формировании образа во французском сознании стал XIX в. Бурные события истории Франции после падения Первой империи способствовали обостренному восприятию прошлого и формированию мифов о драматических событиях русской кампании 1812 г.

Французская версия о событиях на Березине начала зарождаться еще в ноябре 1812 г. Уже первые строки документов за этот период должны были навести на мысль о сложности и даже почти «невыполнимости» Березинской операции. Оказавшись в сложнейших условиях отступления, Наполеон судорожно искал возможности выхода армии из России. 11 ноября из Смоленска он обозначил своей основной целью спасение армии: «Порекомендуйте администрациям Минска и Вильно не использовать против врага [находящиеся там] полки; это уничтожит резервы без определенного результата; необходимо, чтобы эти полки оказались вне сражения. Это позволит остановиться в Минске или в Вильно на несколько дней»³.

Отметив необходимость сохранить армию, Наполеон в то же время приказал Виктору атаковать войска Витгенштейна, чтобы освободить путь на Петербург: «Император может остановиться на зимние квартиры в Витебске. Мы будем готовиться к следующей кампании для движения на Петербург. Если вы сможете успешно атаковать врага, то мы займем зимние квартиры»⁴. Французский император, убеждая Виктора в необходимости атаковать врага, пытался войсками 9 корпуса прикрыть центральные силы. Отдав из Смоленска указания о дальнейшем пути движения Великой армии, Наполеон способствовал формированию разнообразных вариантов отступления Великой армии, в частности, при переходе через Березину.

Перед тем как начать движение к Березине, войска основной группировки Наполеона остановились в Смоленске. Солдаты бросились писать письма домой. В большинстве писем чувствовалось убеждение солдат в том, что император готовится к походу на Петербург. Однако мысли большинства адресантов были далеко от войны, они ожидали ее скорейшего окончания.

Письма, отправленные из Смоленска, хорошо отразили то эмоциональное состояние чинов французской армии в последние дни войны, которое в дальнейшем повлияет на формирование исторической памяти французов об отступлении из России и событиях на Березине. Впечатления отдельных солдат дают возможность представить моральное состояние Великой армии перед «кровавой» Березиной.

Полковник П.Ф. Буден связывал с ужасной дорогой от Дорогобужа до Смоленска окончание войны: «На дороге, по которой мы отступали, закончилась наша война. Мы ожидаем здесь корпуса армии (3 корпус Нея). Нас объединяет единая участь, и мы не оставим друг друга. Зимние квартиры будут размещены где-то недалеко»⁵. Для него военное счастье – уже не в победе, а в том, чтобы солдатам удалось сохранить верность дружбе.

Для аудитора Государственного совета А. Бергони ситуация была не такой уж обнадеживающей: «Армия постоянно находится в движении. Я не могу укрыться под крышей. Многие люди в армии более счастливы, чем я. Я не встретил дружеского участия. Мне хотелось бы получить поддержку, уважение, но я начинаю отчаиваться». Генерал Ж.Р. Брюйер разочаровался в призвании военного: «Военное мастерство сделалось утомительным. Я больше не могу думать о чести и о том, чтобы проявлять самопожертвование в делах службы. Я очень надеюсь, что мы остановимся на зимние квартиры»⁶.

9 ноября генерал Ж.А. Жюно, командир 8 армейского корпуса, написал жене о том, что смягчило для него тяжелейшие проблемы кампании: «По дороге мы терпели

ужасные испытания. Не думай, что я нахожусь в хорошей гостинице. Счастье для меня думать, что мы скоро будем вместе. Ваша любовь подкрепляет и дает мне силы»⁷.

В Смоленске Б. де Кастеллан, адъютант генерал-адъютанта Л. Нарбонна, вспомнил о потере дорогой для него лошади: «На дороге был вынужден оставить своего коня. Я – в отчаянии, это была великолепная лошадь». М.Э. Рибо попытался найти утешение своим невзгодам в красоте русской природы: «Несмотря на холода, мы застали красивое время. Ночью падают красивые звезды, новая кампания начнется весной»⁸.

Мысль о продолжении войны на тот момент уже была скорбной для основной части Великой армии, но они продолжали идти за своим императором. Граф М.А. Ламберт растерянно написал: «Мы не знаем, где мы остановимся, и куда нас направят, чтобы снова увидеть все то, что мне дорого, Париж или Петербург»⁹.

Лейтенант А. Боно начал свое письмо с решительного заявления: «Мы переждем зиму в Вильно, а затем мы собираемся вернуться в нашу страну. Мы надеемся найти Европу в старых границах». После этих слов вдруг невыносимая грусть охватила его: «Это отчаяние мы будем помнить всегда. Более старые солдаты никогда не участвовали в кампании, подобной этой»¹⁰.

Солдаты повсеместно проникаются чувством неуверенности в исходе кампании. Этот тон разочарования – голос людей, потрясенных ужасами войны. Каждый солдат искал разные способы борьбы с этим чувством. Так, шеф батальона О. де Ларибуасьер утешал себя надеждой на награды: «Император должен оценить действия, которыми мы служили примером для других. Не просто проявлять мастерство в таких обстоятельствах»¹¹.

Генерал Ж.Д. Компан, обратившись к состоянию Великой армии в Смоленске, написал жене: «Я получил подлинное доказательство самоотверженности всех людей». П. Дарю, главный интендант французской армии, вполне солидарен с Компаном: «В ужасных обстоятельствах все люди проявляют честь и усердие»¹². Маршал Ф.Ж. Лефевр написал 12 ноября: «Мы будем защищаться до последнего вздоха»¹³.

Ясное понимание своего долга выразил генерал Ж.Г. Сент-Шарль в письме к жене: «Препятствия меня огорчают. Я разочарован в своей жизни. Но невозможно отклониться от службы»¹⁴. Кастеллан, примирившись с условиями отступления, отметил в дневнике: «Все мои возможности – служить в этих обстоятельствах, другого выбора нет»¹⁵.

Вступая в неизвестность, постоянно ожидая нападения неприятеля, они продолжали идти, увлекаемые мечтой о Франции, движимые необходимостью выполнить свой долг. Французский комиссар г. Смоленска Л.Г. Пюибюск в письме 15 ноября отметил: «Затрагивает душу то, что мы идем в неизвестность, воображаем опасности, которые нам предстоит преодолеть». Далее он добавил: «но движет нами надежда на то, что мы обязательно достигнем Парижа»¹⁶.

В это время Наполеон испытывал те же самые чувства тоски по дому, которые выразил в письмах жене. После пережитых испытаний и разочарований он уже не будет писать ей о военных проектах, он желал одного: «Я хочу увидеть сына»¹⁷.

Обессиленные французские солдаты уже не стремились к достижению громких побед. В период отступления нечто более ценное открылось для них в войне – солдатская

⁷ Ibid., p. 225.

⁸ Ibid., p. 205, 232.

⁹ Ibid., p. 268.

¹⁰ Ibid., p. 252.

¹¹ Ibid., p. 276.

¹² Ibid., p. 212.

¹³ Ibid., p. 299.

¹⁴ Ibid., p. 214.

¹⁵ Ibid., p. 205.

¹⁶ Puibusque L.G. Lettres sur la guerre de Russie en 1812. Paris, 1816, p. 120.

¹⁷ Lettres inédites de Napoléon I à Marie-Louise. London, 1935, p. 100.

³ Correspondance de Napoléon, t. 23. Paris, 1868, p. 310.

⁴ Ibid., p. 343.

⁵ Lettres interceptées par les Russes Durant la campagne de 1812. Publ. par S.E.M. Goriainow. Paris, 1913, p. 213.

⁶ Ibid., p. 237, 244–245.

дружба, верность Родине и императору. Возможно, победа для них заключалась уже не в разгроме врага, а в сохранении традиций воинского братства. Из Смоленска Великая армия направилась к одной из ужаснейших катастроф в истории под названием "Березина".

На тот момент в проектах Наполеона переход через Березину фигурировал как спасительный путь, который позволил бы обеспечить армии отдых в районе Минска. После захвата русской армией Минска и моста в Борисове Наполеону окончательно пришлось расстаться с идеей возобновления новой кампании путем движения на Петербург.

19 ноября армия Наполеона прибыла в Оршу, где ей удалось подкрепиться кое-какими припасами. Несомненно, император чувствовал всю опасность создавшегося положения для Великой армии. 20 ноября он предупредил жену: "Тебе придется несколько дней побыть без писем от меня"¹⁸.

Наполеон, узнав о расположении армии адмирала Чичагова в районе Березины, осознал тот факт, что эта река может стать знаковым местом в истории русской кампании. С этого момента французский император начал посылать своим войскам довольно противоречивые сообщения по поводу отступления Великой армии в направлении Минска либо Вильно. Замешательство императора, а может быть, обдуманый, но тщательно скрываемый план действий, приведет в дальнейшем к нескончаемым спорам французских историков о роли событий на Березине в проектах Наполеона.

В любом случае Березина должна была стать местом вероятного сражения с русской армией. Задачу атаковать врага на правом берегу реки Наполеон возложил на второй корпус Удино. По-видимому, маршал в своих действиях преследовал именно эту цель. 26 ноября из Борисова Удино предупредил, что собирается атаковать врага под Стаховым для освобождения дороги на Минск. "Я атакую завтра врага, мы выйдем на дорогу к Минску"¹⁹, – с полной уверенностью сообщил Удино в тот же день начальнику Главного штаба Великой армии маршалу Л.А. Бертье. В последний раз император напомнил маршалу о необходимости атаковать врага 27 ноября. Таким образом, можно предположить, что Наполеон допускал мысль о сражении с войсками Чичагова.

28 ноября разгорелась битва на берегах Березины, научное осмысление которой начнется значительно позже, когда участников событий оставят бурные эмоции и панический страх. Наполеон же не позволил себе медлить и попытался "закрепить" победу на Березине за Великой армией. Через несколько дней после сражений на Березине вышел 29 бюллетень Великой армии, в котором упоминается лишь победная для французов битва на правом берегу. Этот документ, вытеснив из сознания французов иные варианты развития событий, заложил основу для формирования официальной научной версии о Березине во Франции.

О победе французов на Березине сообщили французскому обществу газеты. В "Журналь де Л'Амбир" за январь 1813 г. были опубликованы следующие строки: "Несмотря на то, что силы солдат иссякли, нашлись еще герои в Великой армии. Довольно быстро Чичагова удалось одолеть"²⁰. Приведенная ремарка о событиях на Березине стала основой для формирования массового представления о последних неделях Великой армии в России.

Несомненно, в памяти участников тех трагических и знаменательных событий "Березина" запечатлелась в более многоликом образе. Русская кампания 1812 г. стала частью их жизни. Многие солдаты Великой армии Наполеона не только приобрели военный опыт, но и получили тяжелейший удар, надломивший, а иногда и сломавший их жизнь и судьбу. В памяти каждого участника особо запечатлелись события на Березине как своего рода символ окончания войны, торжество надежд на то, чтобы снова увидеть Францию. После завершения русской кампании личные переживания французских солдат не вызвали интереса у общественности, эти переживания долгое время жили лишь в

¹⁸ Ibid., p. 102.

¹⁹ Fabry G. La campagne de Russie, t. 4. Paris, 1903, p. 236.

²⁰ Journal de L'Empire, 1813, Janvier.

памяти отдельных ее участников. Первые труды о событиях на Березине, раскрывавшие участие в них простого солдата, были представлены в завуалированной форме.

Первым создал подобное произведение, пытаясь описать восприятие событий на Березине французским солдатом, был Ш.П. Бургоэн, адъютант 5 вольтижерского полка Молодой гвардии. Он в художественной форме воспроизвел переписку своего брата А.Ж. Бургоэна, адъютанта маршала М. Нея, из России. Опубликованные письма были написаны от имени вымышленного Альфреда, в образе которого угадывается А.Ж. Бургоэн.

После нескольких недель пребывания в плену Альфред вспомнил о сражении на Березине: "Вот грустная история моих последних дней. Это сражение любви и чести было пропитано болью! Оно было горьким! Мой храбрый полк был там, и мои товарищи сохранили верность императору"²¹. Образ сражения "любви и чести" напоминает представления о войне в тех самых письмах солдат из Смоленска, для которых на тот момент основной смысл русской кампании заключался в выполнении их воинского долга.

Французское общество в первой половине XIX в. не проявило интереса к этим переживаниям и впечатлениям рядовых участников сражения. Бывшие солдаты Великой армии были погружены тогда в анализ хода военных действий и политики бывшего императора. Образ Наполеона становится объектом манипулирования в политической борьбе между бонапартистами и анти-бонапартистами. Поэтому и рассмотрению подверглась лишь моральная сторона действий французского императора, но отнюдь не вопросы военной стратегии.

Капитан инженерных войск Э. Лабом, преследовавший целью умалить роль Наполеона в событиях войны 1812 г., обвинил императора в том, что в Березинской операции тот обрек свои войска на уничтожение. По словам Лабом, французские солдаты блестяще справились со своей задачей. В представлении автора, преодоление армией препятствий, вступление в сражение в столь неблагоприятной ситуации можно считать победой: "В этой плачевной ситуации наши солдаты с жаром отстаивали честь армии"²². Труд Лабом вызвал волну возмущения в среде бонапартистов, от лица которых выступил генерал Ф.Ф. Гийом де Водонкур. Он подчеркнул выдающуюся роль Наполеона в сражениях на Березине и заявил о том, что император выполнил свой долг и спас армию.

Полемика вокруг имени Наполеона привела к отказу французов от глубокого изучения хода военных действий на Березине. Первые труды о войне 1812 г. преследовали единственную цель – возвысить, восстановить честь Великой армии, тем самым сформировав представление у нации о нравственной победе французов на Березине.

И все же уже в 20-е годы XIX в. стали появляться первые научные исследования, посвященные Березинской операции. Полковник Ж. Шамбре, исследовав документы войны 1812 г., пришел к выводу о том, что Наполеон планировал пройти к Минску через Зембин, и в этом проекте сражение на правом берегу реки мыслилось им как отвлекающий маневр. Описание битвы автор закончил картиной атаки французской кавалерии, полностью проигнорировав действия швейцарских и польских полков²³.

В 1827 г. секретарь Наполеона барон А. Фэн опубликовал труд "Рукопись 1812 г.". Историк и участник событий, Фэн рассматривал операцию на Березине как результат реализации осознанного и целенаправленного плана действий со стороны французов²⁴. По словам автора, император приказал маршалу П.К. Виктору сдерживать силы генерала П.Х. Витгенштейна, а основной части армии идти против Чичагова. Подводя итоги сражений, Фэн ограничился фразой: "Враг не достиг желаемого".

После трудов Шамбре и Фэна научное изучение истории переправы через Березину было надолго приостановлено, уступив место легенде об императоре Наполео-

²¹ Bourgoing P. Le prisonnier en Russie. Paris, 1815, p. 129.

²² Labaume E. La campagne de Russie. Paris, 2001, p. 277.

²³ Chambray G. Histoire de l'expédition de Russie, t. 3. Paris, 1838, p. 23.

²⁴ Fain A.J.F. Manuscrit de 1812, t. 2. Paris, 1827, p. 357.

не. Созданию этой легенды во многом способствовал сам французский полководец. В 1823 г. началась публикация "Мемориала" графа А.Д. Лас Каза, в котором были представлены воспоминания Наполеона на острове Св. Елены. Несомненно, основная цель императора заключалась в том, чтобы увековечить память о себе самом, стерев или затушевывая позорные страницы собственной истории. Заточенный на о. Св. Елены Наполеон проанализировал события и на р. Березине. Император признал, что переправа через реку нанесла роковой удар Великой армии: "Армии более не существовало". В то же время бывший император категорически отверг предположение о заметной роли русских войск в уничтожении французской армии. По мнению Наполеона, достойным противником французов были только "великие холода", которые им так и не удалось победить. Император поверхностно описал сражения на р. Березине, упомянув лишь о столкновении Удино с Чичаговым. Он считал излишним подводить какие-либо итоги сражений, так как основной целью армии было достижение Вильно, и сражение на Березине никакой роли в стратегических проектах французской армии не сыграло. Император так подытожил итоги войны 1812 г.: "Русская кампания была победна, чудесна, трудна"²⁵.

Последующие историки не смогли освободиться от давления столь авторитетного мнения. Поэтому фактически именно Наполеон заложил основу будущих концепций истории войны 1812 г., в том числе, в отношении переправы через р. Березину.

Реакцией на возрождение культа императора стала книга "Поход в Россию" бригадного генерала графа Ф.П. де Сегюра. "Вновь всходит звезда павшего человека. Я нахожу его деятельность исключительно губительной", – писал он. Сегюр прошел русскую кампанию рядом с Наполеоном. Не удивительно, что он обратился к описанию психологического состояния императора. В частности, обратившись к событиям на Березине, он поставил в упрек императору отчаяние, которое тогда овладело им: "23 ноября Наполеон как акт отчаяния сжег всех орлов"²⁶.

С помощью особого художественного стиля автор усилил трагизм событий на р. Березине, позволив нам почувствовать состояние тех людей, которые прошли через ужас переправы и сражений, заставив проникнуться уважением к стойкости французов. Он писал: "Но даже безоружные, даже умирающие, даже не знающие, как им перебраться через реку и пробиться сквозь неприятеля, они не сомневались в победе". Обратившись к самой переправе, Сегюр искренне признавал, что имели место бесчестные, жуткие по своей аморальности действия, но вместе с тем подчеркнул, что нельзя забывать и о совершенных в те дни и часы благородных поступках²⁷. По его мнению, французы не смогли победить только природу. В целом работа Сегюра должна была утвердить идею величия и героизма французского солдата. Одна французская газета того времени писала: "Это была ужасная кровавая баталия. Переход через Березину вызвал живой интерес в обществе. Все люди обратились к описанию Сегюра"²⁸.

Однако, как ни странно, некоторых современников Сегюра возмутило принижение им роли Наполеона. Ординарец бывшего императора Г. Гурго даже выпустил книгу "Наполеон и Великая армия", в которой подверг резкой критике работу Сегюра. Гурго двигало чувство глубокой преданности к Наполеону. И это было не удивительно. Во время похода в 1812 г. он постоянно находился при Наполеоне, три года провел с императором в изгнании на острове Св. Елены, а после до конца своих дней боролся за возрождение памяти о французском императоре.

В своей работе Гурго высказал в адрес Сегюра вполне разумный упрек в том, что тот не дал глубокого анализа военных действий: "Сожалею, что Сегюр не описал в

деталях прекрасное сражение, которое поддержал маршал Ней со своим 3 корпусом. Почему он не упомянул эту атаку, которая отодвинула линию русских до лесов, несмотря на ужасный огонь?". В этом отрывке Гурго вел речь о сражении на правом берегу Березины 28 ноября. Но и он, увлеченный критикой книги Сегюра, также отказался от военного анализа Березинской операции. Задача Гурго заключалась не в том, чтобы описать ход военных действий Великой армии, а в том, чтобы возвеличить Наполеона, по его мнению, униженного Сегюром. Ординарец противопоставил свой образ решительного императора жалкому и отчаявшемуся образу Наполеона, нарисованному Сегюром: "Ничего не говорило о том, что император впал в отчаяние. Он добился того, чтобы переход через Березину совершился в порядке". Подводя итоги сражений, автор заключал: "Все шансы на успех были на нашей стороне, потому что наша армия смогла проявить мужество даже в этих обстоятельствах"²⁹.

В период Реставрации в общественном сознании Франции Березина преподносилась как последняя победа Великой армии в России. Участники тех событий использовали описание сражения для оправдания или осуждения личности Наполеона. Благодаря этому возникли противоречивые картины одного и того же эпизода недавнего прошлого, но общих для этих картин была идея, что французский солдат проявил на Березине высокие моральные качества.

Падение династии Бурбонов, которая дискредитировала себя в глазах не только либералов, но и роялистов, разбудило в сознании французов память о Наполеоне как воплощении идеалов свободы, процветания и величия Франции. Апологетическим тоном наполнились и сюжеты, связанные с событиями на Березине в 1812 г. В период Июльской монархии страсти и эмоции вокруг русской кампании 1812 г. стали остывать. События той эпохи становятся для французов далекой историей, а солдаты Великой армии героями художественного романа.

Вдохновленный военной славой Наполеона, Оноре де Бальзак возвел Великую армию на пьедестал героизма. В одном из его произведений герой участник войны 1812 г. рассказывает молодому поколению о переправе через Березину: "Переправа через Березину, мои друзья, убеждает нас в священности чести. Так никогда более не будут воевать. Армию спасли понтоны"³⁰.

Авторы этого времени пытались вызвать сочувствие у читателей к состоянию армии и к императору, которому пришлось пережить гибель своего создания. На страницах этих произведений уже не чувствуется победный восторг, а господствует мнение, что сражения на Березине не имели особого значения в русской кампании 1812 г.³¹ С выходом в 1842 г. мемуаров инспектора смотров в кабинете начальника штаба Великой армии барона П.П. Деннье в науку появился иной вариант сокрытия трагических последствий переправы через Березину. Деннье высказал мысль о том, что солдаты Великой армии просто не придали особого значения сражениям на Березине.

Обострение социальной обстановки в конце Июльской монархии возродило память о "Березине" как о крушении великих идей Франции, бессмысленности всех жертв, принесенных на алтарь войны. Катастрофическая переправа стала символом разочарований для В. Гюго. Для него самого история Наполеона стала частью жизни и творчества. Он часто сравнивал современную ему Францию с эпохой великого императора. В период революции 1848 г. он так вспоминал о губительной переправе Великой армии через Березину: "О несчастные люди! Когда они обещают мир, они развязывают войну. Когда они создают империю, наступает 1812 г. Когда они переходят реку, это мост через Березину"³².

²⁵ *Las Cases A.D. Mémorial de St.-Hélène. Paris, 1823, p. 340 – 343.*

²⁶ *Ségur F. Histoire de Napoléon et de la Grande armée. Paris, 1825, p. 2, 328.* Напомним, что орлами в армии Наполеона называли знамена. Вопреки мнению Сегюра, какого-либо организованного сожжения знамен не производилось.

²⁷ *Ibid., p. 349, 362.*

²⁸ *Journal des artistes, 1828, № 13.*

²⁹ *Gourgaud G. Napoléon et la Grand armée en Russie. Paris, 1825, p. 415, 425, 429.*

³⁰ *Balzac O. de. Bérézina. Paris, 1830, p. 3.*

³¹ *Dufour B.P. Mémoires de Napoléon, t.8. Paris, 1830, p. 166; Mémoires pour servir a l'histoire de France. Paris, 1830, p. 173; Mortonval M. Histoire de la Guerre de Russie en 1812. Paris, 1831, p. 428.*

³² *Hugo V. Anniversaire de la Révolution de 1848. Paris, 1855, p. 21.*

После бурных событий 1848 г. в литературе и историописании появляется проблема роли обычного человека в истории, и это приводит к героизации действий французских солдат на Березине. Были опубликованы мемуары участников русской кампании 1812 г., в которых упоминалось лишь сражение на правом берегу Березины и высказывалось восхищение храбростью французов³³. Образ Наполеона на страницах этих произведений теперь появляется не часто.

Таким образом, в период Июльской монархии в изображении Великой армии на Березине наблюдался отход от торжественного, героического стиля к более тонкой психологической картине. Образ Березины стал героической трагедией, легендой французской истории. После падения Июльской монархии «Березина» воскрешалась на страницах французских мемуаров как близкое, родственное событие, связанное с героизмом французских солдат.

В период Второй империи ситуация значительно изменилась. С возрождением культа Наполеона «Березина» стала символом гениальной военной операции императора. Именно в эту эпоху возникшие в прошлые годы противоречивые образы французской памяти о «Березине» стали постепенно объединяться в единый образ.

Поражение Франции в войне с Германией в 1870–1871 гг. способствовало процессу героизации прошлого страны. С этого момента сражение на Березине утвердилось в сознании французов как бесспорная победа Великой армии. Источники, в которых сохранилась хотя бы доля сомнений в истинности этого утверждения, были «забыты».

Все описания сражений на Березине стали преследовать лишь одну цель – подчеркнуть победу Великой армии. Усилению этого представления способствовала массовая публикация мемуаров участников русской кампании 1812 г.³⁴ Казалось бы, основная часть французских солдат признавала, что на Березине их войска представляли лишь осколок былой Великой армии. Однако сделанный французскими мемуаристами акцент на ослаблении армии способствовал возвышению ее героизма, самоотверженности и верности Наполеону. Картины катастрофы, холода, голода исчезли. Возродился и окончательно утвердился созданный еще в эпоху Реставрации образ «Березины» как моральной победы Великой армии.

Важной вехой в научном изучении операции на Березине в период Второй империи стал выход монографии крупнейшего историка и политического деятеля А. Тьера. Он представил более обстоятельную картину действий французов и русских на р. Березине. Главной целью Наполеона в операции на Березине Тьер назвал объединение французских армий, которые действовали в центре и на флангах; однако этого так и не было достигнуто. Свои упреки автор адресовал Наполеону. В свою очередь, действия русских, в представлении историка, выглядели более организованными и хорошо спланированными. Он пришел к достаточно смелому для французского историка выводу: «Чичагов и Витгенштейн уничтожили французскую армию»³⁵.

Все аргументы, приведенные автором, казалось бы наводили на мысль о поражении Великой армии. Однако трагичность ситуации, в которой французы нашли силы для продолжения борьбы, не позволила Тьеру «разделаться» с памятью о героической переправе через Березину. Так, подвергнув критике действия Наполеона, он подвел следующий итог: «Мы испытали чувство действительного триумфа, триумфа кровавого и болезненного»³⁶.

В конце XIX в. французские газеты продолжали часто обращаться к теме победы Великой армии на Березине. Но буквально через несколько лет ситуация изменится. В 90-е годы XIX в. Россия и Франция начнут быстрое военно-политическое сближение.

Это заставит французов значительно пересмотреть свое представление о войне 1812 г. Накануне Первой мировой войны газета «Ле Тан» писала: «Великая армия перешла реку без сражения с русскими. Во Франции и в России помнят драму войны 1812 г. Это была наша общая победа»³⁷.

Последующие события XX в. вытеснят все иные версии переправы Великой армии через Березину, кроме версии о победе французов на берегах этой реки. Переосмысление событий войны 1812 г. во Франции будет связано с именем Шарля де Голля. Его приход на пост президента имел для изучения войны 1812 г. заметные последствия. Президент акцентировал внимание на отношениях России и Франции, что, несомненно, придало несколько положительных черт образу России в сознании французов. В это время выходит монография Ш. Корбе, посвященная представлениям французов о России, которая стала важной вехой на непростом пути поиска взаимопонимания двух народов³⁸. Сам де Голль, обращаясь к теме войн Наполеона, признавал: «Наполеон напал на Александра, что стало самой грубой ошибкой, какую он когда-либо совершал, ничего не принуждало его к этим действиям. Эта война становится началом нашего упадка»³⁹.

Наиболее значительное исследование этого периода принадлежит историку Ж. Тирри⁴⁰. Описывая отступление Великой армии, он акцентировал внимание на проявлениях чести и мужества среди французских солдат. На основе внушительного объема документов историк попытался проанализировать ход Березинской операции и сделал вывод о победе Великой армии. А историк К. Грюнвальд, имевший русские корни, обратился к мемуарам участников русской кампании 1812 г. Он писал: «Гениальность Наполеона расстроила честолюбивый план русских по окружению Великой армии на Березине»⁴¹.

Последующие историки начали старательно обходить тему отступления французов из России, приняв тезис о победе на Березине как истину, не требующую доказательств. Подобное мнение встречается в трудах Р. Дюффресса и Ж. Тюлара⁴². В исследованиях историков Ж. Будона и А. Пижара подчеркивается, что Великая армия не была побеждена русской, она выиграла все сражения, в том числе и при Березине.

Французский историк Ф. Бокур посвятил много лет изучению событий на Березине. Именно ему принадлежит инициатива и создание памятника Великой армии на Березине, на котором высечены слова: «Солдатам Великой армии, проявившим смелость во время переправы через Березину». Подобной торжественностью наполнены научные работы историка, в которых он постарался отметить участие и заслуги, помимо французских солдат, еще и русских, немецких, швейцарских, голландских, польских войск. Однако его вердикт остался прежним, характерным для французских историков: «Несмотря на превосходство русских сил, Великой армии удалось сохранить свои позиции в сражениях на Березине»⁴³. Деятельность Бокура, которая на долгие годы оказалась связанной с Белорусским государственным университетом и научными центрами России, придала исследованиям событий на Березине новый импульс.

В отличие от французской исторической традиции в отечественной науке не сложилось какого-либо целостного взгляда на это событие. Главный вопрос, который волновал отечественных историков на протяжении двух веков – почему, а точнее – по чьей вине не удалось реализовать план окончательного уничтожения Великой армии на р. Березине. Начало этим спорам было положено еще в 1812 г. Главным виновником незавершенного разгрома Великой армии традиционно стали называть адмирала

³⁷ Le Temps, 1912, Avril.

³⁸ Corbet Ch. L'opinion française face à l'inconnue russe. Paris, 1967.

³⁹ Larcan A. Napoléon jugé par le general de Caulle. – Napoléon et l'Europe. Paris, 2004, p. 420.

⁴⁰ Thiry J. La campagne de Russie. Paris, 1969.

⁴¹ Grünwald C. La campagne de Russie. Paris, 1963.

⁴² Dufraisse R. Napoléon. Paris, 1987; Тюлар Ж. Мюрат или пробуждение нации. М., 1993.

⁴³ Napoléon à la Bérézina 26–29 novembre 1812: la bataille, les ponts, la traversée, le monument du Centre d'Etudes Napoléoniennes. С.Е.Н., 2004, p. 36.

³³ Fezensac M. Journal de la campagne de Russie en 1812. Paris, 1850.

³⁴ Memoires du Marmont. Paris, 1857, p. 145; Larrey D. Memoires. Paris, 1860, p. 180 – 187; Boulart F. Mémoires militaires. Paris, 1894; Maringone L.S. La campagne de Russie. Paris, 1899; Griois P. Mémoires, t. 2. Paris, 1909.

³⁵ Thiers A. Du Consulat et de L'Empire, t. 14. Bruxelles, 1856, p. 675, 685.

³⁶ Ibid., p. 701.

П.В. Чичагова. И тем не менее в серьезных исторических исследованиях (А.И. Михайловский-Данилевский, М.И. Богданович и др.) авторы предпочитали более обтекаемые формулировки⁴⁴. “Но армия его должна была понести конечное поражение, если бы с нашей стороны действия были искуснее и решительнее”, – писал, например, Михайловский-Данилевский⁴⁵.

Нередко русские исследователи умаляли значение событий на Березине в общих военно-стратегических планах русских. Одним из первых подобную идею выразил Л.Н. Толстой, чей великий роман предопределил многие черты в развитии отечественного историописания войны 1812 г. “В сущности же, результаты Березинской переправы были гораздо менее губительны для французов потерей орудий и пленных, чем Красное. Толпа французов бежала с постоянно усиливающейся силой быстроты, со всею энергией, направленной на достижение цели”, – написал он⁴⁶.

В 60-х годах XIX в. оригинально подошел к оценке последствий событий на Березине историк А.Н. Попов. По его мнению, в условиях переправы через р. Березину и речи быть не могло о чьей-либо победе: “Победы не достигла ни одна из борющихся сторон, но цели сражений одинаково были достигнуты противниками. Наполеон совершил переправу, русские довершили разгром Великой армии”⁴⁷.

В 1894 г. В.И. Харкевич опубликовал книгу о Березинской операции. Обращаясь к итогам сражения, историк акцентировал внимание на том, что “французская армия оказалась спасенной. Нужды нет, что она давно утратила свою боевую силу. Уцелело ее ядро, из которого после выросла новая армия”⁴⁸. Неудачный исход кампании Харкевич всецело объяснил тактическими ошибками русского командования.

Знаменательно для отечественной науки то, что в неудачах русских В.И. Харкевич обвинял не Чичагова, как было принято, а Витгенштейна: “Весьма веские соображения должны были побуждать Витгенштейна начать движение на Студянку, не теряя ни одной минуты. Только в этих условиях мог он рассчитывать на достижение существенных результатов. Тем не менее, Витгенштейн отказался от движения к пункту переправы французской армии и остановился на решении идти на мызу Старый Борисов”⁴⁹.

Традиция возлагать ответственность за ограниченный результат русской армии при Березине на одного Чичагова, либо на Чичагова и Витгенштейна была продолжена в советское время. Так писали об этих событиях Е.В. Тарле, Л.Г. Бескровный и др.⁵⁰

Перемены в отечественной историографии наступили только к концу XX в. Историк И.Н. Васильев в своем исследовании поставил цель – “вернуть доброе имя адмиралу Чичагову в памяти потомков”⁵¹. Проанализировав стратегические итоги сражения для Великой армии, он пришел к выводу: “Несмотря на все усилия русских войск французской армии в этот день удалось сохранить за собой переправу, отбросив войска Чичагова, нанеся при этом им значительный урон и продолжая контролировать дорогу на Зембин”⁵².

Особую роль исследование березинских событий стало играть в деятельности историков Белоруссии. В 90-е годы XX в. на Березине были установлены памятники, посвященные русским, французским, швейцарским солдатам. Белорусская земля хранит множество тайн о событиях на Березине в 1812 г. До сих пор поисковики, археологи

⁴⁴ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г., т. 3. СПб., 1860; Михайловский-Данилевский А.И. Описание войны 1812 г. М., 2005.

⁴⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч., с. 517.

⁴⁶ Толстой Л.Н. Война и мир, т. 4. М., 1981, с. 150–151.

⁴⁷ Попов А.Н. От Малоярославца до Березины. – Русская старина, 1877, № 9, с. 204.

⁴⁸ Харкевич В.И. Березина. СПб., 1894, с. 147.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Тарле Е.В. Нашествие Наполеона на Россию. М., 1938, с. 265; Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962, с. 565.

⁵¹ Васильев И.Н. Несколько громких ударов по хвосту тигра. М., 2001, с. 9.

⁵² Там же, с. 392.

мечтают найти сокровища Наполеона. Из поколения в поколение в Белоруссии передаются легенды, связанные с кладом французского императора. Белорусский историк А.И. Груцо многие годы ведет археологические работы на месте сражений, результаты которых публикует в своих исследованиях⁵³.

Таким образом, отечественная историческая память о сражениях на Березине складывалась из противоречивых мнений – от убежденности в победе русского оружия до критики действий русского командования, которое не смогло обеспечить полного поражения армии Наполеона. Французская память, наоборот, несмотря на резкие политические изменения во Франции в течение двухсот лет, оставалась достаточно статичной.

События, связанные с переправой Великой армии на Березине в 1812 г., прочно вошли в историческое сознание Франции. Но оценки этих событий всякий раз приобретали новое звучание, когда французы оказывались на изломе своей национальной судьбы. Березина стала достоянием исторической памяти французской нации как воплощение героизма и военного успеха. Это запечатлено на страницах газет, научных трудов, в произведениях писателей. Французы верят в созданную ими легенду. Только два памятника на местах сражений, посвященные русским и французским солдатам, как символ примирения бывших противников в войне 1812 г. дают надежду на достижение согласия в представлениях русских и французов, на понимание, что в событиях на Березине не было победивших и проигравших, виноватых и оправданных.

⁵³ Груцо А.И. Сокровища Наполеона. Минск, 2010.